

Глава 18

Словно вода между нами

— Можешь отвернуться и не смотреть на меня, — сказал Шангуань Цюэ. — Это может занять много времени. Ты можешь остановить меня в любой момент.

Хань Линь упал на кровать, уткнувшись лицом в подушку.

Он слышал лишь команды Шангуань Цюэ за спиной: раздвинуть колени, встать на кровати, поясницу можно опустить ниже, чтобы не так уставать.

Хань Линь знал: действовать без подготовки нельзя. Перед тем как лечь, он лихорадочно всё обыскал и нашёл лишь железную коробочку с мазью из конского жира. В детстве, из-за скитаний, его руки каждый год обмерзали, и с тех пор каждую зиму они опухали и краснели. Шангуань Цюэ, заметив это, на следующий же день принёс ему эту мазь.

Теперь эта мазь, покрывавшая пальцы Шангуань Цюэ, медленно проникала в тело Хань Линя.

Холодная мазь таяла от тепла тела, распространяя свой аромат. Каждое движение сопровождалось характерным хлюпаньем.

Шангуань Цюэ сосредоточился на своих действиях и больше не говорил. Хань Линь, чтобы не почувствовать этот запах, вдыхал аромат солнца, впитавшийся в подушку, и всё время немного нервничал.

Когда он был учеником у мясника, тот каждый вечер, уложив жену спать, давал ему медную монету и отправлял купить что-нибудь поесть. Он проходил мимо лотков с едой, но в конце концов жалел денег и возвращался. Подойдя к двери, он слышал звуки ударов плоти о плоть и стоны своего старшего брата.

Хань Линь смутно догадывался, что происходит, и постепенно понял, почему мясник так долго не мог найти ученика и в итоге взял его, восьмилетнего. Он боялся, но тех, кто был готов его приютить, было слишком мало. Уйди он оттуда, его ждала бы голодная смерть. Для самозащиты он даже тайно носил с собой маленький нож для бритья свиней. К счастью, он ему не пригодился.

Из-за того мясника у Хань Линя с детства сложилось плохое мнение о таких людях. Но, узнав, что Шангуань Цюэ такой же, он, помимо потрясения, думал лишь о том, как помочь старшему брату избежать пересудов.

Это же был Шангуань Цюэ, его старший брат, с которым он провёл всё своё детство. Ради него он был готов пожертвовать своей едва начавшей восстанавливаться репутацией.

— Я сделал тебе больно? — голос Шангуань Цюэ изменился.

Услышав этот вопрос, Хань Линь опомнился и понял, что вёл себя немного жеманно.

Он не девица, у него нет чести, которую нужно беречь. Это всего лишь проба. По совести говоря, старший брат с детства учил его владеть саблей и постигать внутренние техники, а полгода назад столько для него сделал. Отказаться от такой мелочи было бы просто неблагодарно.

К слову, Шангуань Цюэ никогда ни о чём его не просил. Единственный раз, когда он умолял Хань Линя пощадить его наставника Ао Чжуня, даже встав на колени, Хань Линь ему отказал.

Тогда, боясь огорчить Шангуань Цюэ, он не рассказал ему всей правды о том, что натворил этот проклятый Ао Чжунь. После он беспокоился, что старший брат затаит на него обиду, и внимательно наблюдал за ним. Но его добродушный старший брат ни разу не упрекнул его.

За все эти годы самыми близкими людьми для него были наставник и старший брат. Когда в прошлом году наставник погиб, именно старший брат сопровождал его в Линьси на похороны.

Не говоря уже о делах Павильона Темного Дождя.

При этой мысли внутренний барьер рухнул. Он стиснул зубы и глубоко вздохнул.

— Я в порядке.

***

Наконец всё закончилось. Хань Линь чувствовал себя немного виноватым, что из-за него пришлось так долго возиться. Когда пальцы Шангуань Цюэ вышли, напряжение, державшее его всё это время, спало. Настроение сразу улучшилось. Ночь была уже глубокой, и, как только он расслабился, на него навалилась сонливость. Сквозь дрему он видел, как Шангуань Цюэ, опустив ресницы, вытирает пальцы, тушит свечу и, не раздеваясь, ложится рядом.

Спустя какое-то время, когда он уже проваливался в сон, он услышал скрип двери. Хань Линь настороженно открыл глаза. Белизна снега за окном очерчивала лицо его старшего брата, делаая его похожим на духа, блуждающего ночью по старинному саду.

Снаружи шёл сильный снег. Стоило открыть дверь, как внутрь ворвались снежинки, осыпав Шангуань Цюэ. Хань Линь подумал, что тот возвращается к себе, и, не задавая вопросов, снова закрыл глаза и заснул.

На следующее утро Хань Линь по привычке проснулся рано. Увидев рядом старшего брата, он

растерялся и на мгновение подумал, что всё это был лишь сон. С этой робкой надеждой он сел и начал одеваться, решив считать прошедшую ночь сном. Но когда он спустил ноги с кровати, нижняя часть тела вдруг ослабела, и он едва не упал.

Шум разбудил Шангуань Цюэ. Открыв глаза, он увидел Хань Линя, с недоумением на лице вцепившегося в край кровати и сползшего на пол.

Шангуань Цюэ посмотрел на него и рассмеялся. Затем, улыбаясь, он встал, поднял его и уложил обратно в кровать. Одевшись, он сказал уставившемуся на него Хань Линю:

— Я скажу всем, что ты вчера простудился и не сможешь выходить пару дней. Отдыхай.

Хань Линь долго лежал в кровати. Очнувшись, он понял, что в комнате никого нет, и ему стало не по себе. Превозмогая боль и дискомфорт, он встал и вышел, чтобы поговорить с кем-нибудь.

Снег в Гусу был действительно сильным и всё не прекращался. Когда он вышел, все как раз сговаривались тайком слепить снеговиков.

— Что это с вами сегодня? Будто всем по десять лет скинуло, — усмехнулся Хань Линь.

Ему рассказали, что кто-то сегодня слепил на дороге двух снеговиков, и потащили его посмотреть.

Головы и туловища снеговиков были идеально круглыми и белыми. Вместо носа-морковки кто-то вылепил им носы из снега, нарисовал брови, глаза и рот. Они весело улыбались, и было видно, что тот, кто их лепил, был счастлив. Они получились очень милыми.

Хань Линь обошёл их кругом.

— А шары-то какие ровные. Разве так легко скатать?

Все засмеялись.

— Заместитель Владыки, вы что, в детстве снеговиков не лепили?

— В детстве, когда у меня были силы на такое, я либо помогал мяснику разделывать туши, либо выступал в цирке. А когда попал в Линьси, там, на юге, снега выпадало мало, и он не задерживался на земле. В то время я всё время проводил со старшим братом, а он таким не увлекался.

Все зашептались в ответ:

— Да, мы тоже хотели слепить, но Владыка не разрешил. Сказал, что это старинное поместье, и лепить здесь снеговиков — неприлично. Вот мы и сговорились сделать это тайком...

Хань Линь долго смеялся.

— Ну, не лепить так не лепить. В Лояне снега много, там как захотите, так и слепите, Владыка слова не скажет. А сейчас холодно, пойдёмте, пойдёмте в дом, у огня греться.

Лишь на следующий день Хань Линю удалось поговорить с Шангуань Цюэ и спросить, каковы результаты его «пробы».

На лице Шангуань Цюэ на мгновение отразилась растерянность. Он посмотрел на жёлтые камни и заросли тростника на холме после снегопада и сказал, что поблагодарил Гу Ту за предложение, но отказался от брака.

Раз старший брат не говорил прямо, значит, на то были свои причины, и Хань Линь не стал расспрашивать дальше.

Зато Шангуань Цюэ после минутного замешательства с удивлением посмотрел на него.

— Ты так быстро смог встать?

— Я крепкий, для меня это не рана, — с улыбкой ответил Хань Линь, и его тут же позвали лепить снеговиков.

Все были находчивы: раз Владыка не разрешает лепить в саду, значит, можно собраться и выйти за его пределы.

Шумная компания удалилась, и лишь тогда Шангуань Цюэ высвободил руку, спрятанную в широком рукаве.

Казалось, она всё ещё помнила ту ночь, и до сих пор её иногда пробивала внезапная дрожь. Особенно когда Хань Линь подходил близко.

Шангуань Цюэ не мог часто думать о той ночи, это мешало делу. Каждое воспоминание возвращало его туда: вот он видит поясницу Хань Линя, его лицо, искажённое болью, и его собственный голос срывается от возбуждения. Эмоции волной расходились от сердца по всему телу, и ему приходилось судорожно искать себе занятие.

Как в ту ночь, когда он очнулся, а снеговики уже были готовы, с носами и глазами. Тогда он так долго лепил их голыми руками, что, возвращаясь, его ладони были ледяными, как камень. Он был спокоен и не выдавал себя перед другими, но, увидев в свете проникающего в щели

снега спящее лицо Хань Линя, он снова ощутил волну возбуждения. Всё его тело дрожало. Он долго стоял за дверью, промерзая до костей, прежде чем вернуться спать.

Десять дней в Гусу прошли спокойно. Несмотря на то, что брак не состоялся, Гу Ту радушно принимал их до самого отъезда. Эта поездка, похожая на отдых, должна была быть приятной, но на обратном пути возникли проблемы.

В Чучжоу орудовала банда насильников, практиковавшая давно утерянную запретную Инь-Ян технику восполнения. Они случайно оказались на их пути и решили покончить с негодяями.

С Шангуань Цюэ можно было бы придумать семь или восемь способов захватить их живьём, но людей у Павильона было мало. Обнаружив логово насильников на соседней горе, он просто отправил туда Хань Линя, чтобы тот вырезал их всех под корень.

Все они были слабаками, и их тёмные искусства на Хань Линя не действовали. Одним ударом сабли он укладывал одного за другим, и вскоре на горе не осталось ни одного мужчины. Собираясь уходить, он услышал женские стоны и, пойдя на звук, обнаружил подвал. Вместе с товарищами он поднял каменную крышку и увидел внутри молодых девушек со перерезанными сухожилиями на ногах, связанными руками и кляпами во рту.

— Вот же твари, — пробормотал Хань Линь и, спрыгнув в подвал, принялся одного за другим выносить девушек на плече.

Когда все девушки были спасены, одежда Хань Линя, несмотря на зимний холод, промокла насквозь. Они погрузили девушек на повозки и отправили их вниз, к Шангуань Цюэ, чтобы тот нашёл их родных.

Зимой в горах было холодно, и мокрая одежда леденила тело. Хань Линь зашёл в ближайший дом в поисках сухой одежды. Но, войдя, он снова услышал женский плач. Он пошёл на звук и нашёл под кроватью девушку с растрёпанными волосами и в изорванной одежде, со связанными руками и ногами.

Хань Линь поспешно вытащил её, развязал верёвки и сказал:

— Твои сухожилия целы. Спускайся скорее с горы и ищи родителей.

Девушка, видимо, всё ещё не оправилась от страха. Она плакала навзрыд и мёртвой хваткой вцепилась ему в шею.

Хань Линь не знал, что с ней делать.

— Отпусти меня, послушай. Я убил всех, кто был снаружи. Не бойся, ты в безопасности.

Но девушка не отпускала. Хань Линь начал задыхаться и уже собирался силой оторвать её от себя, когда она, подняв заплаканное лицо, вдруг выдохнула ему в лицо облако фиолетового дыма.

Задергать дыхание он не успел и вдохнул почти весь дым. В тот же миг он почувствовал, как его тело сковало, и он упал на пол.

Девушка обвила его руками и ногами и, кокетливо улыбаясь, спросила:

— Ты когда-нибудь видел деву, собирающую Ян?

Хань Линь, лёжа на полу с гудящей от удара головой, криво усмехнулся.

— Сегодня в первый раз.

Девушка хихикнула.

— Ты красивый, сестричка оставит тебя в живых. В следующий раз, когда встретишь меня, беги со всех ног.

— Спасибо, сестричка, — улыбнулся Хань Линь.

Девушка наклонилась, её дыхание коснулось его лица, а соблазнительные глаза смотрели на него.

Хань Линь тоже улыбнулся ей в ответ и, когда она уже собиралась его поцеловать, одним движением перевернул её и свернул ей шею.

Поднявшись с пола, он потёр плечо, посмотрел на труп и покачал головой.

— Жаль, что следующего раза не будет.

Переодеваться было уже некогда. Хань Линь обыскал все дома, чтобы убедиться, что никто не уцелел, и перед уходом поджёг логово.

Используя технику лёгкости, он сопровождал повозки вниз с горы. На полпути он почувствовал жар во всём теле. Для простуды было слишком рано, к тому же определённая часть его тела недвусмысленно отреагировала. Он вспомнил о фиолетовом дыме, который вдохнул.

Когда он добрался до гостиницы у подножия горы и увидел Шангуань Цюэ, его тело горело. Глядя на нахмуренные брови старшего брата, Хань Линь понял, что и его собственное лицо,

должно быть, покраснело.

Разум Хань Линя затуманился от желания, он подошёл и схватил Шангуань Цюэ за запястье.

Сглотнув несколько раз, он посмотрел на него и, дрожа, протянул руку, чтобы коснуться его лица.

— Старший брат, я...

Звонкая пощёчина отбросила его голову в сторону. Во рту появился привкус крови.

Рука Шангуань Цюэ застыла в воздухе. На его лице не было ни единой эмоции, а взгляд был ледяным.

Пощёчина немного привела его в чувство. Он несколько раз извинился и попросил старшего брата найти ему девушку в ближайшем весёлом квартале.

Но не успел он договорить, как получил ещё одну пощёчину, и его голова отлетела в другую сторону.

Обе щеки горели огнём, а в ушах стоял гул. Хань Линь был в замешательстве. Он понимал, за что получил первую пощёчину, но никак не мог взять в толк, чем заслужил вторую.

Не дав ему опомниться, Шангуань Цюэ схватил его за шиворот и потащил в гостиницу.

— Ведро воды в мой номер, — бросил он слуге. — Холодной.

Затем он затащил Хань Линя в комнату и запер дверь. Лишь когда принесли воду, дверь снова открылась, и Шангуань Цюэ, даже не раздевая, бросил его в бочку с ледяной водой.

Зимой в холодной воде Хань Линь продержался недолго и вскоре потерял сознание.

Очнулся он уже в горячей воде. Рядом, прислонившись головой к краю бочки, дремал старший брат.

Лицо так болело, что он едва мог говорить. Посмотрев на своё отражение, он увидел, что обе щеки распухли.

Подняв голову, он увидел, что Шангуань Цюэ уже проснулся. Тот набрал на пальцы какой-то мази и осторожно нанёс ему на лицо. Жгучая боль тут же утихла.

Не успел Хань Линь спросить, как Шангуань Цюэ заговорил:

— Я знаю, ты не хочешь иметь трёх жён и четырёх наложниц, а мечтаешь, как и твои родители, о настоящей, равной любви. Поэтому подумай хорошенько. Твоя будущая жена, скорее всего, будет невинной девушкой. А весёлые кварталы — такое место, куда, раз попав, сможешь ли ты не возвращаться снова и снова?

Шангуань Цюэ опустил глаза, набрал ещё мази и, наклонившись, принялся медленно наносить её на другую половину лица Хань Линя. Его тёплое дыхание касалось кожи, принося прохладу.

— Как ты думаешь, тот, кто постоянно ходит в весёлые кварталы, действительно может быть наравне с девушкой, у которой, кроме тебя, никого не будет? Хань Линь, ходить в весёлые кварталы — несправедливо по отношению к твоей будущей жене.

— Конечно, афродизиак — это особый случай. Но, видишь, ты же справился, — он закончил наносить мазь, вымыл пальцы в воде из бочки и закрыл баночку. — Я считаю, что некоторые вещи нельзя делать необдуманно. Я остановлю тебя лишь в этот раз.

Шангуань Цюэ перевернул руку Хань Линя, лежавшую на краю бочки, положил ему на мокрую ладонь маленькую баночку с мазью и вышел.

После того дня, видимо, из-за слишком холодной воды, Хань Линь слёг с высокой температурой. Когда жар спал, началась простуда, сопровождавшаяся лёгкой лихорадкой. Всю дорогу он принимал лекарства, которые давал ему Шангуань Цюэ, но до самой весны так и не поправился окончательно.

<http://bllate.org/book/15990/1501199>